

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Люлько*

Камша, Вера Викторовна.

К18 Синий взгляд смерти. Рассвет. Часть пятая / Вера Камша. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Фэнтези Н. Перумова).

ISBN 978-5-04-099928-6

Когда на голове плешь — надевают шляпу. Когда страна дыбом — изображают, что всё прекрасно. Тем более что вот она, передышка в войнах. И в спешно подновлённом дворце ядовитым цветком распускается «добрый старый двор». И растящие этот цветок точно знают, как должен выглядеть мир — в обоих смыслах этого слова. Но почему так душно тем, кто встал надыхался пороховой гарью? И зачем в Старую Придду сползаются отсидевшиеся в тяжёлые времена в тылу, а ведь сползаются! Лезут вверх, шагают по подвернувшимся ступенькам, не особо приглядываясь, а не послужила ли таковой чья-нибудь голова? Можно, конечно, подловить наиболее прыткого мерзавца и вынудить его на дуэль, но что это изменит? Ничего! И будет звучать древний танец Кальтарин, и будут, как в механической шкатулке, совершать подобающие на раззолоченные фигурки, и будет, цепenea от скуки, бубнить затверженные слова Его малолетнее Величество... Правда, сегодня у короля радость, ему подарили чудо... Правда, иная фигурка может и взбрыкнуть... Правда, в мелодию Кальтарина может ворваться совсем другая музыка... Но Двор расцветает и крепнет, а Рокэ Алва, Регент и Первый маршал, молчит и вдруг срывается неизвестно куда, оставив распоряжение, подозрительно похожее на завещание. А у Кольца Эрнани планы Лионеля Савиньяка почти срывает непонятная буря. Непонятная ли? И сможет ли маршал Ли совладать с этим... Зверем?!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099928-6

© Камша В.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*На Изломе зимы повстречаем рассвет.
Скоро скалы оденутся льдом.
Этим утром давай отрешимся от бед
И куда-то зачем-то придем.
Будет год, будет день; будет да, будет нет;
Будет счастье сидеть за столом.
Будет что впереди? То ли тьма, то ли свет...
Но не бойся: все это — Излом.*

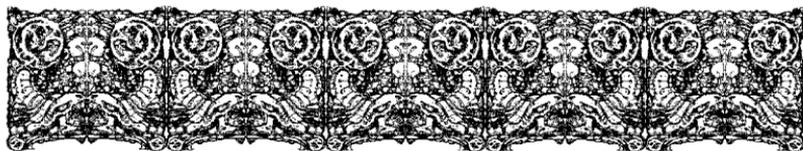
*На Изломе весны все рождается вновь.
Веет ветер. И кажется сном,
Что кончается жизнь, проливается кровь
И что полдень совсем ни при чем.
Чтить ли и ожидать? И при чем тут любовь?
Мы не гордые, мы подождем.
Сомневайся, надейся и не прекословь!
Что бояться? Ведь это — Излом.*

*Ну а летний Излом согревает волну.
Слышишь — песни и плач ни о чем?
Не уйти в облака, не нырнуть в глубину —
Все глубины кончаются дном.
Недалёко закат. Оборвали струну...
Ну и орстон! Аминь. Мэратон!
Пусть никто никогда не признает вину,
Не боимся. Все это — Излом.*

*Вот осенний Излом. Вот уж полночь близка.
Молний блеск в темноте, шквал и гром.
Ненадолго! На месяцы и на века —
Но не дольше. Закройся дождем.
У кого-то, возможно, судьба высока,
Ну а мы поживаем и врем...
Ветер бьется о скалы. Река глубока.
Отсвет молний. И это — Излом.*

*Простите. Север, юг, восток и запад
Перемешались, аж не расплести.
Какие у Этерны там пути —
Не знаю. «Ночь идет на мягких лапах».*

Юрий Гиренко

Те, кто в самом деле не думает, ибо не способен,
вечно намекают на глубины своих размышлений.

*Рокэ, герцог Алва,
соберано Кэналлоа, регент Талига*

Страх ошибки, чужой боли, греха или того,
что названо таковым, ведет в Закат столь же верно,
сколь и равнодушие.

*Странствующий епископ
ордена Славы Луциан*

XVI. «ВЛЮБЛЕННЫЕ»¹

Было бы невозможно предотвратить крах королевской власти, если бы мы шли на поводу у тех, чье невежество по части практического руководства государством сравнимо с их высоким мнением о себе как о знатоках теории государственного управления, тогда как они не способны ни на глубокие мысли по поводу политики государств, ни на суждения о происходящих в обществе процессах, каковые недоступны их пониманию.

Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье

Глава 1

ТАЛИГ. СТАРАЯ ПРИДДА

1 год К.В. 4–5-й день Зимних Ветров

1

ольшой Руди решил наконец выспаться, — Руди Мелкий потянулся и глянул на высящиеся в углу часы. — Часа два, как ушел, так что сдаю тебе ночь и зиму. Зима холодная, вьюшки закрыты, на небе — месяц. Властвуй, а мы спатиньки.

— Счастливо выспаться, — откликнулся Давенпорт, подходя к окну. Худеющая луна зацепилась за левый флю-

¹ Высший аркан Таро «Влюбленные»/«Два пути» (L'Amoureux). Карта указывает на грядущий выбор из нескольких взаимоисключающих вариантов (чаще всего между чувствами и разумом) и предупреждает о возможности серьезной ошибки, одновременно являясь символом вдохновения и догадок. В сильной позиции означает эмоциональную свободу, пренебрежение последствиями поступков, продиктованных эмоциями. Еще одним значением карты может быть любовь и/или дружба вплоть до появления будущей «половинки».

ПК: Внутреннее раздвоение, конфликт с собой, неправильный выбор и/или его последствия. Может предупреждать об ошибках, разлуке и расстройстве планов (в первую очередь matrimониальных и любовных). Также обозначает отказ от выбора, что ведет к утрате инициативы и возможности овладеть ситуацией.

гер, рядом мерцало несколько крупных звезд. Всадница или Паук? Моряк бы сразу сказал, это на суше звезды нужны разве что астрологам и для красоты.

Ночь выдалась дивная, и Чарльз любовался синими тенями, пока по дворам не прошел полуночный патруль. Теперь до утра в Старой Придде одна власть — капитан Давенпорт. Чарльз еще раз глянул на вверенную его заботам луну, открыл и закрыл дверь в темный кабинет, после чего перебрался в примыкавшую к приемной комнатку без окон, куда как-то умудрились втиснуть стол, пару стульев и узкую кушетку.

Ноймаринен не считал, что дежурные адъютанты обязаны тарашиться во тьму — не коты. Их дело оказаться на месте, когда случится нечто важное, только важного больше не ожидалось: всё или почти всё уже произошло, оставалось встряхнуться и начать жить дальше. С новым Кругом, новым королем и временной столицей, хотя сам Чарльз сто раз бы подумал, прежде чем возвращаться в Олларию и тем более тащить туда детей. Хватит того, что Карла с сестрой привезли в Старую Придду. Показать верным, чтоб их, поданным! Эту верность капитан Давенпорт видел во время ареста Фердинанда, до смерти хватит. Адъютанты герцога вцепились в предложение нового товарища до конца праздников взять ночные дежурства на себя. Обормоты не представляли, насколько «знаменитому Давенпорту» тошно от своей славы и оживающего двора. За возвращение в армию капитан отдал бы все, кроме Мелхен. За возможность съездить в Акону — полжизни и еще четверть — за Большого Руди, снявшего регентскую цепь, но продолжавшего волочь на себе то, до чего у Алвы не доходили, да и не могли прийти руки. По сути Ноймарский Волк оставался регентом, а Кэналлийский Ворон — Первым маршалом, и это было правильно. Неправильной была тревога за болтающегося по Западной Придде Савиньяка.

Накрытый льняным полотенцем свежий пирог напомнил о себе ароматом печеных яблок и еще чего-то пряного-горького, Мелхен бы сказала точно. Девушка не любит роз

и комплиментов, но редкие на севере специи примет, благо в Старую Придду торговцы сейчас просто ринулись. Самое время добыть то, чего нет в Аконе, а после праздников — попросить отпуск для устройства семейных дел. В Давенпорт съездить придется на самом деле — собрать родню и соседей, выслушать кучу обязательных глупостей... Впрочем, неизбежные на родительских поминках разговоры о свадьбах не столь уж и нелепы. Чарльз не собирался тянуть, дело было за невестой, а ее стерегли то Юлиана со съеденными сто лет назад пирожками, то подружка со своим котом.

От Селины Давенпорта трясло, однако появления Мелхен в Старой Придде, где вокруг красавицы неминуемо соберется стая поклонников, капитан не хотел. Уж лучше девица Арамона! Эта разгонит всех, только вечно сидеть в Аконе девушки не будут, вдова родит и возьмется за приемную дочь. Присмотрит бергера поздоровей, и начнется... Мелхен спорить с матушкой не станет, Селина тут не помощник, а вот герцогиня Ноймаринен повлиять на баронессу Вейзелъ в состоянии.

Первым просить супругу Рудольфа о помощи Чарльз бы не стал, но та заговорила о Мелхен сама. Удивляться не приходилось: он своих чувств не скрывал, а тот же Бертольд по части болтовни обставит дюжину вдов. Кто-то услышал, кто-то пересказал... Покойного артиллериста армия ценила, как же не разболтать, что «тот самый Давенпорт» по уши влюбился в дочку Вейзелей? Да, влюбился! В Мелхен не влюбиться невозможно.

Почему и на кого он разозлился, Чарльз не понял, но отчего-то выскочил в приемную и, желая себя хоть чем-нибудь занять, принялся зажигать свечи. Оказалось, кстати. Не прошло и пяти минут, как в дверь забарабанили, и красномордый сержант доложил о прибытии Первого маршала, то есть регента. Чарльз глянул на часы — четверть второго. Ну очень спокойная ночь!

— Только, — хриплым басом проревел вестник, — сказано, чтоб никого, кроме дежурного, не будить. Ибо... без... бестакно!

Давенпорт кивнул, Ворон был верен себе: объявился, выиграл сражение и куда-то умчался, пообещав успеть к празднику. Само собой, его ждали послезавтра к вечеру, а он нагрянул двумя днями раньше. Тактично.

— Идем.

Дорога оказалась недолгой — до парадной лестницы.

— Вот они, — объяснил сержант и отступил, давая дорогу начальству, начальство же чудом не ругнулось и потопало вниз, где в свете факелов о чем-то беседовали двое в бергерских шубах. Понять, который из них Ворон, в полутьме не выходило.

На последней ступеньке Чарльз слегка задержался, мысленно себя обругал и, вздернув, как на параде, подбородок, направился к гостям. Слышимость в здешних залах и переходах, особенно по ночам, была невероятной, возводившему дворец архитектору надо было строить церкви. С органами. Грохало, будто в вестибюль ввалилась дюжина статуй, а не дежурный офицер с сержантом, но Алва со спутником даже головы не повернули. В ту ночь он тоже не оборачивался.

Давенпорт шагал по внезапно ставшим скользкими плитам и пытался унять разогнавшееся сердце, а из памяти, будто из окон, тянуло дымом и раздавался колокольный звон. Октавианские праздники, будь они четырежды прокляты вместе с Килеаном и Мореном! Ну и что, что оба сохли? Последнего суда всем ждать, вот и пусть Леворукий их жарит!

— Рграв!

Резкий звук заставил Чарльза вздрогнуть прежде, чем он сообразил, что рядом залаяла собака. Затем капитан взглядел и самого пса: крупный светлый силуэт у ног ближайшего из гостей. Алвы!

— Судьба все-таки есть, — усмехнулся Ворон, — но воображения у нее никакого.

— Господин регент, — все, что пришло в голову Чарльзу, это шелкнуть каблуками. — Дежурный адъютант Проземператора капитан Давенпорт. Герцог Ноймаринен отдыхает.

— В отдыхе, как мне говорили, нуждаются все, — одобрил регент, — и лишь Создатель бодрствует денно и нощно, хотя в последнее верится с трудом. Марсель, у тебя нет желания слегка смягчить неловкость встречи? У Готти как-то не вышло.

— Это будет непросто, — бергер в светлой шубе подхватил Чарльза под руку и оказался виконтом Валме. — Готти не виноват. Он не знает всех обстоятельств, как и я, к слову сказать.

— Капитан дежурил в Октавианскую ночь, — объяснил Алва, придерживая своего пса. — Идиллическое было время.

— Где идиллическое? — не понял Валме. — В Олларии?

— Везде, — Ворон чему-то усмехнулся. — Симпатичные войны, уютные заговоры, приятные покушения... Адъютантская щель возле приемной цела?

— Да, монсеньор.

— Я переночую там, а виконта, раз уж вы с ним ладите, заберите и накормите. Можете выпить, с дежурства я вас снимаю.

2

В одной лесной деревне жил Пес. Хозяином его был Пастух, и в юности Псу не раз приходилось вступать в бой с волками, однако со временем хищники узнали остроту собачьих клыков и стали охотиться в других местах. Овцы мирно паслись на берегу речки, а Пес приглядывал за бестолковыми ягнятами, которые могли свалиться в воду, да слушал жаворонков. Его счастье омрачали лишь блохи, приставшие к бедняге на последней ярмарке. Пес не понимал, почему у него стала чесаться шея, это было очень неприятно, но приходилось терпеть. Приходилось терпеть и блохам, которых решительно не устраивало их нынешнее положение: Пес им не нравился, к тому же у него была невкусная кровь.

— Что может быть горше, чем оказаться привязанным к никчемной твари? — сетовали блохи. — Разве это жизнь? Это прозябание.

— Мне кажется, я скоро провоняю овцами, — вздыхала Изысканная блоха.

— А меня покинет вдохновение, — вторила ей Поэтичная.

— Но здесь не так уж и плохо, — робко возражала Хромая.

— Для уродов, — огрызнулась Грубая.

— Мне страшно за наших детей, — беспокоилась Чадолюбивая. — Бедняжки всю жизнь проведут в этой мерзости.

— Хуже того, — пророчила Мрачная, — та же участь ждет и следующие поколения.

— И в этом виновата моя мамочка, — жаловалась Самая Красивая. — Зачем, ну зачем она бежала в эту мерзкую глушь? Ее это устраивает, но я рождена для другого!

— Все рождены! — обижалась Справедливая.

— Нужно бежать, — предлагала Решительная.

— Нужно!

— Хотя бы ради наших детей...

— И наших талантов...

— И любви, которую здесь не встретить!

— Но как?! Скажите кто-нибудь, как нам выбраться из этого ужаса?!

— Рано или поздно судьба дарует нам шанс, я уверена! Главное — дожить и не потерять себя!

И блохи дожили. Погожим осенним днем из лесу вышел Волк — сильный и молодой. Ему хотелось есть, а пасущиеся на опушке овцы казались легкой добычей. Про Пса Волк слышал, но юности свойственна дерзость, к тому же Волк был в ссоре с родней и не желал оставаться с ними в одном лесу. Тем не менее, прежде чем выбрать подходящего ягненка, Волк сходил и посмотрел на Пса, который как раз чесался, выдирая клочья шерсти и подскуливая. Зрелище было столь жалким, что Волк, больше не скрываясь, помчался к добыче. Пес услышал шум и, позабыв о своих невзгодах, бросился в бой. Враги сцепились в смертельной схватке.

— Прыгаем! — крикнула соплеменницам Решительная блоха. — Другого шанса может не быть!

— А трусы будут гнить в своей овчарне! — хохотнула Грубая.

— Если только наш волк не загрызет вашу тварь, — добавила Мрачная.

— И вы сдохнете с голоду, — подхватила Самая Красивая. — Прощайте, родители, вы меня никогда не понимали.

— Вперед! — велела Решительная. — За мной!

Прыжок Решительной был удачен: она попала туда, куда хотела, и скрылась в густой серой шерсти, подав пример другим. Блохи одна за другой перебирались на волчью шею, но не все. Кто-то опасался промахнуться и сгинуть от голода в жутких травах, кто-то боялся тех, кто уже живет в волчьем меху, кто-то просто метался, упуская момент за моментом, а схватка становилась все ожесточенней. Пес и Волк то налетали друг на друга, то отскакивали, то вновь бросались в бой. Кровавая пляска делала переправу смертельно опасной, а потом Волк не рассчитал. Совсем немного, но Пес был опытен и в полной мере воспользовался ошибкой противника. Белые клыки сомкнулись на волчьем горле, хлынула кровь, и все было кончено.

Прибежавший Пастух достал нож, снял с Волка его прекрасную шкуру и сунул трофей в реку, не зная, что губит десятки надежд.

— Печально, — сказала наблюдавшая за трагедией с песьей шеи Изысканная блоха. — И горько.

— Но мы живы, — напомнила Хромая.

— Главное, — поддержала Чадолубивая, — будут живы наши дети.

— А творить можно и в хлеву, — поддержала ее Поэтичная. — Ой, кто это?!

— Я вернулась, — прошептала израненная Решительная. — Я вернулась домой... Все мои соратницы погибли, а я...

— Прочь! — заорала Чадолубивая. — Явилась объедать наших детей?

— Изменница, — воскликнула Изысканная, — коварная и неблагодарная!

- Неудачница, — припечатала Хромая.
— Ну как, выбралась из глуши?
— Волчьей крови захотела? Мир повидать захотела?!
— Ты предала не только нас. Ты предала нашего дорогого Пса!
— Ступай жрать траву... Тля!
— Других погубила и за нами вернулась?
— Прочь!!!

Разъяренные блохи окружили Решительную, намереваясь скинуть ее с песьей шеи, однако расправу невольно прервал Пастух, вздумавший потрепать Пса по загривку.

— Бедняга, — сказал он, — весь в крови. Идем, я тебя в речке отмою!

Подсохшее перо почти не оставляло следа, Арлетта сунула его в чернильницу, перечитала написанное и поняла, что вышло злей, чем задумывалось. Такое с ней уже бывало. В Олларии.

Левий, прочитав сказочку о ненавидящем Слизне, спросил, почему она написала это именно сейчас. Вразумительно объяснить, что на нее накатило, графиня не смогла, потому вопрос и запомнила. Теперь женщина задала его себе сама и опять не нашла ответа. Бесноватых в Придде вывели еще осенью, разве что зелень притащили гости из других провинций?

Рудольф подобного не исключал, но валить собственную злобность на дюжину пока еще тихих подонков Арлетта не собиралась. Причина крылась в другом — графиню, как и прежде, раздражал двор, к тому же оставшаяся без церемониймейстера Георгия так и норовила повторить материнские выдумки. Ничего опасного в этом не было: внешних врагов у Талига почти не осталось, а те немногие, кто еще помнил алисианские приемы, дриксенскую лебедицу не жаловали, пусть и по разным причинам. Графиня задумчиво тронула чернильницу и резко пододвинула рукопись к себе — так и есть, блохи, пусть и не все, говорят, как знакомые... Ли узнаёт сразу.

Стук входной двери и быстрые, явно мужские шаги показали ответом, Арлетта едва не вскочила, но сдержалась:

в Старой Придде лучше сдерживаться, но это свой, то есть тот, кого знает камеристка. Графиня неторопливо обернулась и увидела младшего. С капитанской перевязью.

— Поздравляю, — Лионеля обнимать можно, Арно до нежностей пока не дорос. — Что ты совершил?

— Потом объясню. Мама, я не один.

— Ты все же решил поручить выходца мне?

— Выходца? — непонимание на родной до дрожи физиономии сменилось, нет, не досадой, смешком! — А, вот ты о чем... Ерунда какая! Мама, Рокэ велел гнать всех к тебе.

— Дитя мое, ты меня пугаешь, Маркус прислал только три сервиза.

— Мама... Нет, ну ты...

Теперь они смеялись вдвоем. Молчать со старшим, хохотать с младшим. Остается Эмиль, но с ним тоже что-нибудь да сыщется!

— Со мной... — Арно наскоро утер слезы, — со мной Валентин... Назови его как-нибудь Заразой, пусть обалдеет, ему полезно.

— Я обязательно попробую. Так вы вдвоем?

— Нет, еще Герард с Ариго и Эпинэ; ты его вроде любишь.

— Зато вас с Рокэ сейчас разлюблю! Что встреча после бури рождает счастье, ты, надеюсь, помнишь?

— Веннена, пожалуй, забудешь! Особенно в обществе Спрута.

— Тем хуже. Догадайся вы явиться поодиночке, было бы у меня три отличных счастья, а вы какой-то ком скатали. Счастливый, не спорю, но один.

— Да? — темные брови сына на мгновение сошлись, — а если, как в Торке, три кома поставить друг на друга? Оно ведь до весны простоит.

Нужно было идти к милым, дорогим, желанным гостям, всплескивать руками, ахать, кормить, а они глядели друг на друга и ржали. Мать с взрослым сыном, вдова маршала, она же сестра экстерриора, и свеженький капитан. Чудовища... Талигойские.